

Семантические трансформации идеологически маркированных лексем (на примере русского языка)

Летучая Любовь

1 Введение

Общеизвестно, что, будучи средством общения, параллельно изменениям в общественной жизни людей, изменяется и сам язык. Наиболее гибок в этом отношении словарный состав языка. Устаревание или трансформация тех или иных понятий, предметов и, наоборот, появление новых реалий синхронно влечет за собой изменения в словарном составе языка. Язык, как прямое отображение изменений в обществе, указывает на все важные и устойчивые события в образе жизни и менталитете народа. Причины и масштаб изменений в русском языке к. XX нач. XXI в. ещё предстоит осмыслить и описать не одному поколению историков, лингвистов, лингвокультурологов и т.д. Интерес лингвистической науки, в частности лингвистической аксиологии, к языковым инновациям, свидетельствующим об изменениях в жизни социума, является закономерным. Поэтому лингвисты вполне настойчиво и оправданно проявляют интерес к языковым инновациям, к вопросам семантической трансформации лексем, особенно в области общественно-политической лексики. Например, Г. Заварзина, одним из основных динамических процессов, происходящих в общественно-политической лексике русского языка новейшего периода, выделяет «снятие «идеологических наслоений», то есть идеологизированных семантических компонентов, в плане содержания общественно-политических словесных знаков современного русского языка» (Заварзина 2007: 56).

Исходя из этого, цель нашего исследования: объяснить изменения в семантике идеологически маркированных лексем русского языка, которые произошли под влиянием внеязыковых причин на протяжении XX – нач. XXI вв. Для большей верификационной убедительности результатов исследования анализ осуществлялся как на уровне языка (толковые словари), так и на уровне речи (Национальный корпус русского языка (НКРЯ)). Как источник для определения семантики идеологем советского периода нами использовались «Словарь русского языка (МАС)» в четырех томах под ред. А.П. Евгеньевой (1988) и «Словарь русского языка» С.И. Ожегова» (1988)

с привлечением МАС. Основными лексикографическими источниками для определения семантики слов русского языка к. XX нач. XXI вв. послужили «Большой толковый словарь русского языка» С.И. Кузнецова (2003) и «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения» под редакцией Г.Н. Складневской (1998).

Несмотря на особый научный интерес к общественно-политической лексике, много вопросов, связанных с семантическими процессами, что возникают в ее рамках, остаются менее изученными. Например, недостаточно изученными можно считать вопросы деидеологизации политических мифологем на примере анализа современных «живых» дискурсов – разговорного, публицистического, художественного. Это, прежде всего, касается общественно-политической лексики названий определенных идеологических течений. Словарные статьи общественно-политических лексем в лексикографических источниках фиксируют соответствующие определенному времени семантические оттенки. Одновременно на способ трактования этих лексем, подбор иллюстративного материала могут часто влиять экстралингвистические факторы, а именно – действующие идеологические взгляды, что приводит к функционально-семантическим сдвигам в данных номинациях.

2 Языковая и речевая характеристика идеологем советского периода

В советское время лексикографические издания в словарных статьях опирались на марксистско-ленинскую идеологическую философию. Эта идеология опиралась на стойкие бинарные оппозиции: «социалистический» vs «капиталистический», «коммунистический» vs «буржуазный», «свой» vs «чужой», «правильный» vs «неправильный», «верный» vs «неверный». Исходя из этого, нормой лексикографической практики была идеологическая аксиологизация дефиниций: лексем, семантика которых была связана с социалистическим образом жизни, четко фиксировали только положительную оценку. То есть, словари советской эпохи представляли собой достаточно жестко структурированную систему, детерминированную идеологически.

Во всех толковых словарях советского периода в структуре лексем СОЦИАЛИЗМ, КОММУНИЗМ фиксируется наличие идеологических компонентов. Рассмотрим определение лексемы СОЦИАЛИЗМ, зафиксированное лексикографическим источником советского времени «Словарем русского языка» в четырех томах под ред. А.П. Евгеньевой (МАС) (1988): «Социализм, -а, м. 1. Первая фаза коммунизма – общественный строй, который приходит на смену капитализму и

характеризуется общественной собственностью на средства производства, отсутствием эксплуатации человека человеком и при котором осуществляется принцип: «От каждого по его способностям, каждому по его труду». 2. Учение о построении социалистического общества. 3. *с определением*. Название различных мелкобуржуазных и буржуазных учений о реформе капиталистического общества на основе уравнительности или сглаживания антагонистических противоречий» (МАС 1988: 213-214). Данное определение имеет позитивную характеристику в плане, прежде всего, моральных представлений о справедливом обществе, что эксплицируется выражениями *отсутствием эксплуатации человека человеком, осуществляется принцип: «От каждого по его способностям, каждому по его труду»*. Словарные дефиниции представляли собой развернутые энциклопедические объяснения, что способствовало закреплению в сознании членов социалистического общества системы понятий данной идеологии. Довольно широкое объяснение также должно было способствовать пониманию важности данной номинативной единицы. Оценочное трактование сопровождается идеологически значимыми языковыми иллюстрациями со ссылкой на авторитетных и общеизвестных авторов, т. е. использованием прецедентных имен, текстов. Подобные тексты представляют пример реализации имплицитной лингвополитической стратегии, закладывающей нужную оценку в высказывание: *«От капитализма человечество может перейти непосредственно только к социализму, т.е. общему владению средствами производства и распределению продуктов по мере работы каждого. Ленин, Задачи пролетариата в нашей революции. Пускай нам общим памятником будет построенный в боях социализм. Маяковский, Во весь голос»* (Там же). Аналогично трактуются и другие идеологемы для обозначения понятия коммунистической пропаганды: *марксизм, ленинизм, большевизм, коммунизм* и др., составляющие ядро концептосферы господствующей идеологии. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова (1988) находим: «КОММУНИЗМ, -а, м. 1. Общественно-экономическая формация, закономерно приходящая на смену капитализму и основанная на общественной собственности на средства производства. *Социализм – первая фаза коммунизма*. 2. Вторая, высшая фаза этой формации – бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, в к-ром вместе со всесторонним развитием людей вырастут производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники и осуществится принцип «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям». 3. Марксистско-ленинская теория создания и развития такой формации.

Научный к.» (Ожегов 1988: 233). Исходя из этих определений, следует, что коммунистическая идеология рассматривала социализм, коммунизм как единую универсальную модель общественного строя для всего человечества, как символ общего блага и справедливости. При сравнении смысловой структуры слов-идеологем *социализм, коммунизм* наблюдаем изменение аксиологической оценки в сторону увеличения положительного модуса: социализм – *первая фаза коммунизма; «От каждого по его способностям, каждому по его труду»*; коммунизм – *высшая фаза; «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям»*. Не менее важным в структуре этих словарных статей есть антонимическое противопоставление социализм (коммунизм) / капитализм. «КАПИТАЛИЗМ, а, м. Общественный строй, при к-ром основные средства производства являются частной собственностью класса капиталистов, эксплуатирующих труд наемных рабочих для извлечения прибыли» (Ожегов 1988: 216). «КАПИТАЛИЗМ, -а, м. Общественно-экономическая формация, основанная на частной собственности на средства производства и эксплуатации наемного труда капиталом (сменяет феодализм и предшествует социализму). *Капитализмом называется такое устройство общества, когда земля, фабрики, орудия и пр. принадлежат небольшому числу землевладельцев и капиталистов, а масса народа не имеет никакой или почти никакой собственности и должна поэтому наниматься в работники.* Ленин, О стачках» (МАС 1988: 29).

Полным социальным равенством всех членов общества с точки зрения советской идеологии может быть только социалистическое общество. Подтверждение этого находим и в текстах советского периода, т.е. на уровне «живого» дискурса:

(1) *Для нас оно воплощает все самые светлые стороны человеческого бытия – мир, счастье, радость, любовь, **социальное равенство**, всеобщее благо, творчество, труд.* [НКРЯ, Звездные мосты через реку времени // «Техника - молодежи», 1974].

(2) *Подлинное равноправие, **социальное равенство** и справедливость, реальные гарантии неотъемлемых личных благ, прав и демократических свобод граждан, чуткое и внимательное отношение общества к запросам и нуждам его членов (то есть сама суть высоких гуманистических идеалов) определяют основное содержание соответствующих норм советского государственного права, находят свое закрепление в новой Конституции СССР.* [НКРЯ, Ю. Ляпунов. Гуманизм советского социалистического права // «Человек и закон», 1977].

(3) *Против нашего брата сражались, стояли за **капитализм***. [НКРЯ, А. Т. Твардовский. Из рабочих тетрадей (1958) // «Знамя», 1989].

(4) *Одним словом, буржуазия горит желанием развивать **капитализм***. [НКРЯ, Г. Боровик. Шанхайские капиталисты // «Огонек». № 50, 1956].

Подтверждением общей позитивной идеологической идеи социалистического vs. коммунистического общества является преобладающее наличие окружающих операторов с положительной семантикой в проанализированных нами текстах русской речи.

(1) *Удовлетворение – еще в одной стране победил **социализм***. [НКРЯ, Светлана Алексиевич. Цинковые мальчики (1984-1994)].

(2) *Вы оторвали человека от жизни и разрушили его; **социализм соединяет разрушенный** вами мир во единое великое целое, и это – будет!* [НКРЯ, Максим Горький. Мать (1906)].

(3) *Когда я бывало говорил, что **коммунизм** в конечном счете – великая, нужная вещь, что новая, молодая Россия создает замечательные ценности...* [НКРЯ, В. В. Набоков. Отчаяние (1932)].

(4) – *С продвижением советских людей по пути строительства нового общественного строя роль литературы возрастает, а значит, возрастает и ответственность за художественное слово, ибо **коммунизм** немислим без **духовной зрелости человека**, как немислим он и без **материальной базы***. [НКРЯ, коллективный. Российские журналы: дела и планы (1971) // «Литературная газета», 1971.05.05].

Кроме лексемы КОММУНИЗМ, негативную оценку в определении приобретают и другие концепты антагонистической идеологии, что представляла собой иное, а значит «чужое», мировоззрение. Например, для советской идеологии классовым врагом пролетариата была буржуазия. Соответственно, все, что определялось как «буржуазное», «непролетарское», приобретало негативную оценку. «**БУРЖУАЗИЯ**, -и, ж. Господствующий класс капиталистического общества, являющийся собственником орудий и средств производства и живущий капиталистическим доходом, получая прибавочную стоимость эксплуатацией наемного труда. *Отживающая буржуазия соединяется со всеми отжившими и отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство*. Ленин, Отсталая Европа и передовая Азия» (МАС: 126). Словарь С.И. Ожегова предлагает аналогичное определение.

Единообразие словарных дефиниций советского периода лексем, касающихся «чужого» общественного строя есть характерной лексикографической особенностью, и распространяется и на другие лексем. Употребление в начале словарной статьи таких идеологически значимых лексем, как «буржуазный», «мелкобуржуазный», «реакционный», «антикоммунистический», «националистический» и т.п., не могло способствовать нейтральному восприятию содержания лексем. Это приводило к навязыванию читателю пейоративной оценки так называемой «чужой» лексики. Например, «АНАРХИЗМ, -а, м. Враждебное марксизму мелкобуржуазное течение...» (Ожегов 1988: 24). «НАЦИОНАЛИЗМ, -а, м. 1. Реакционная буржуазная и мелкобуржуазная идеология и политика, направленная на разжигание национальной вражды...» (Ожегов 1988: 320). «МОНАРХИЗМ, -а, м. Реакционное политическое направление ...» (Ожегов 1988: 291). «СИОНИЗМ, -а, м. ... реакционное движение, приводящее политику буржуазного национализма и антикоммунизма ...» (Ожегов 1988: 586). Эти лексем объединяет то, что на первом месте стоят идеологически маркированные слова, способствующие восприятию их как основного компонента в общей семантике слова. Такая поляризация общественно-политических реалий «свой» vs «чужой», «правильный» vs «неправильный» определила роль словарей советского времени на инструмента формирования идеологизированной картины мира путем аксиологизации дефиниций, идеологического маркирования определений лексем и иллюстрирования их идеологически «важными» примерами.

Также одним из способов трансформации слова из нейтрального на идеологически маркированное есть употребление в речи пространственных маркеров: «в капиталистических странах», «в буржуазных странах», «в буржуазном обществе»:

(1) *Успешное развитие советской физики происходит при общем упадке науки в капиталистических странах, где наука фальсифицируется и ставится на службу усилению эксплуатации человека человеком, грабительским войнам и так называемому научному обоснованию идеализма и поповщины.* [НКРЯ, Валентина Гаташ. Физика с грифом «совершенно секретно» // «Знание – сила», 2003].

(2) *Кстати, С. Ожегов в своем знаменитом Словаре русского языка характеризует коррупцию как "подкуп взятками, продажность должностных лиц, политических деятелей" в "буржуазных странах".* [НКРЯ, Гусейнов Рафаэль. ОСЕНЬ ОЛИГАРХОВ // Труд-7, 2000.05.25].

(3) *Не случайно, например, что, появившись впервые в буржуазном обществе, атомная энергия была открыта и использована в типично капиталистической форме, как энергия разрушительная.* [НКРЯ, Ю. А. Жданов. Во мгле противоречий // Вопросы философии, 1993].

3 Языковая и речевая характеристика идеологием постсоветского периода

В конце XX – начале XXI ст. под влиянием социально-политических, экономических, идеологических изменений в языке наблюдаются существенные изменения в общественно-политической лексике. Среди основных динамических процессов, нашедших отображение в современном лексикографическом трактовании идеологически маркированных слов, существенный лингвистический интерес представляет деидеологизация их семантики, что связано с активным процессом освобождения смысловой структуры от бывшей идеологической составной.

Однако, проанализировав дефиниции анализируемых лексем в «Большом толковом словаре русского языка» С.И. Кузнецова (БТС) (2003) и «Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения» под редакцией Г.Н. Складневской (1998), мы пришли к выводу разной степени деидеологизации содержания этих лексем. Словарь С.И. Кузнецова дает такое определение лексемы: «СОЦИАЛИЗМ -а; м. [от лат. socialis - товарищеский, общественный] 1. Общественный строй, основой производственных отношений которого является государственная собственность на средства производства. *Программа, цель, законы социализма. Экономическая база социализма.* 2. Учение об установлении такого социального строя. 3. *какой.* Название различных учений о реформе капиталистического общества на основе уравнительности и сглаживания общественных противоречий. *Феодальный с. Народноический с. Христианский с. Утопический с.* Социалистический (см.)» (БТС 2003: 1243).; «КОММУНИЗМ, -а; м. [от лат. communis - общий, всеобщий] 1. Одна из разновидностей утопического социализма, основывавшаяся на принципе социального равенства: общности имущества, обязательном труде, справедливом распределении; бесклассовое общество. // В марксизме: общественно-экономическая формация, основанная на общественной собственности на средства производства, на сотрудничестве и взаимной помощи свободных от классовой эксплуатации и национального гнёта трудящихся. 2. Теория создания и развития такой формации. *Научный к.* Военный коммунизм. В период гражданской войны 1918 - 1920 гг.: экономическая политика Советской власти,

главными чертами которой были всеобщая трудовая повинность, централизованное руководство промышленным производством и распределением, обязательная сдача государству крестьянами по развёрстке всех излишков продовольствия по твёрдой цене. Первобытный коммунизм. Общественный доклассовый строй первобытной общины с общей собственностью на средства и продукты производства. < Коммунистический (см.)» (БТС 2003: 445). Сравнив определения анализируемых лексем в словарях советского и постсоветского времени, можем отметить, что коннотативный элемент семантики слов есть идеологически нейтральным и фиксирует незаангажированный подход к трактовке политических лексических единиц. Наличие ссылок (*в марксизме, в период гражданской войны 1918 - 1920 гг.*), полное отсутствие прецедентности в иллюстрированном материале также, по нашему мнению, направлено на формирование объективной оценки содержания данных единиц. Но в то же время обращает на себя внимание, что объем словарной статьи данных лексем остается достаточно широким; сохраняется дифференциация понятий – выделены разновидности социализма и коммунизма (*феодальный социализм, народнический социализм, христианский социализм, утопический социализм, военный коммунизм, научный коммунизм, первобытный коммунизм*) как, по мнению автора словаря, необходимые для носителей языка. То есть в дефинициях лексем еще наблюдаем имплицитные черты связи с коммунистической идеологией. В «Толковом словаре русского языка конца XX в. Языковые изменения» под ред. Г.Н. Складневской (1998) дается аналогичное трактование лексемы СОЦИАЛИЗМ, но фиксируется и значение (с пометой зафиксировано впервые), которое в словарях советского времени не выделялось в качестве отдельного лексико-семантического варианта: «2. Общественный строй, характеризуется отсутствием частной собственности на средства производства, всеобщей плановостью хозяйства, неэффективной экономикой, однопартийной системой политической власти, отсутствием демократических прав и свобод» (Складневская 1998: 600). В этом же в словаре перекликается с предыдущим словарем и семантика лексемы КОММУНИЗМ, но при этом выделяется одно из значений: «3. Практика построения такого общества в СССР и странах социалистического содружества; экономический и социальный строй, созданный в результате такой практики. *Трагедия, порожденная коммунизмом и фашизмом, придавала международный характер репрессиям и террору. СС, 30.09.94 – 06.10.94.*» (Складневская 1998: 312). Семантическая трансформация данных лексем в словаре Г.Н. Складневской происходит в изменении оценки на негативную, что эксплицируется в самом определении

(неэффективная экономика, отсутствие демократических прав и свобод) и усиливается иллюстративным материалом.

Проанализировав примеры русской речи, т.е. «живого» дискурса, мы можем наблюдать отношение к анализируемым идеологемам представителей русской лингвокультуры. Прежде всего, примечательным есть то, что массив контекстов содержит общеотрицательную оценку. В большинстве высказываний аксиологическая семантика лексем *социализм, коммунизм* представлена набором конкретно негативных смыслов: *грабеж, развал, фашизм, тоталитаризм, война, бедствие, расстрелы, преследования*.

(1) *Как и у всей Европы. Потому что социализм – это миф. В реальности это просто грабеж.* [НКРЯ, НКРЯ, Арина Холина. Всё отнять и поделить // Известия, 2013.06.20].

(2) *Жизнь многократно это опровергала. В СССР строили социализм по Марксу. Получили развал страны и всего соцлагеря.* [НКРЯ, Евгений ЧЕРНЫХ. Маркс и теперь живее всех живых! // Комсомольская правда, 2013.05.05].

(3) *«Фашизм и коммунизм – два тоталитаризма XX века, а также их лидеры несут ответственность за доведение до начала Второй мировой войны и ее последствия.* [НКРЯ, Владимир Семенов. Польский сейм предлагает осудить вторжение Красной армии 70-летней давности // Новый регион 2, 2009.09.03].

(4) *«Прыжок в коммунизм» закончился бедствием для страны и народа.* [В. В. Овчинников. Размышления странника (2012)]; *Если желаешь разобраться в том, что происходит в стране Советов, то должен понять, что такое коммунизм, потому что все, совершающееся в СССР (массовые расстрелы, преследования диссидентов, борьба за партийность науки и искусства), делалось ради построения такого социального строя».* [НКРЯ, Ирина Прусс. Александр Зиновьев как зеркало советской интеллигенции // «Знание - сила», 2009].

Также в рефлексивных высказываниях аксиологическая семантика может быть представлена негативно окрашенными адъективами: *убогий, навязываемый, убудочный, утопический, неосуществимый, устаревший, ошибочный, ложный*.

(1) *А теперь она видела вместо героической картинки ловушку, и наука оказалась идолом точно таким же, как убогий навязываемый социализм, который последние годы всё чаще называли по радио "социализмом" в угоду малограмотному Хрущеву, двух слов*

свести не умеющему... [НКРЯ, Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000].

(2) *Здесь социализм, а тут капитализм, и никакая это не конвергенция, как мечталось Сахарову, а нечто ублюдочное.* [НКРЯ, Ольга ТУХАНИНА. Мир по Марксу // Комсомольская правда, 2014.03.14].

(3) *Ныне уже общеизвестно, что марксизм – это устаревшая, ошибочная и ложная во всем теория, а коммунизм – утопическая и неосуществимая цель.* [НКРЯ, Е. З. Кармазин. От Ленина до Путина (2006.03.04) // «Наша страна» (Аргентина), 2006].

В некоторых рефлексивных высказываниях для выражения оценки активно используются метафоры и сравнения с негативной семантикой:

(1) *Коммунизм – это понятно, это концентрированное выражение человеческой глупости...* [НКРЯ, Григорий Потоцкий. Последний из могикан // «Психология на каждый день», 2010].

(2) *Бакунин понимал, что коммунизм – это далеко не наслаждение и не радость.* [НКРЯ, Юрий Безелянский. Герой. Бунтарь. Анархист // «Наука и жизнь», 2009].

(3) *Даже кумачовый лозунг на стене холодильника «Наша цепь – коммунизм!»* [НКРЯ, Василий Аксенов. Таинственная страсть (2007)].

(4) *В ответ – «Я должен увидеть, когда социализм придет, и доложить в Кремль».* [НКРЯ, С. П. Капица. Мои воспоминания (2008)].

(5) *Вдруг действительно в Чехословакии победил бы социализм с человеческим лицом.* [НКРЯ, Евгений ЧЕРНЫХ. Три Златы Праги лейтенанта Костенко // Комсомольская правда, 2013.08.22].

В словарях постсоветского периода впервые фиксируются производные от слова *коммунист*: В «Толковом словаре русского языка конца XX в. Языковые изменения» под ред. Г.Н. Складневской (1998) с пометой «впервые зафиксировано» находим: «КОММУНЯКА, и, м. Разг. Презрит. = Коммунист, сторонник коммунистической идеи. Помните, в 1991 г. многие стонали, когда сбрасывали памятники Держинскому, Свердлову, Ленину? Сбросили – и что? А ничего. Жизнь шла своим чередом, и для многих она оказалась лучше, чем при коммунаках. АИФ, 1997, 12» (Складневская 1998: 314). Негативная оценка данной лексемы эксплицируется, во-первых, с точки зрения эмоциональной окрашенности пометой «презрительное»; во-вторых, формант *-як-*,

сочетаясь с основой негативной семантики, усиливает ее. Данный дериват представлен с пометой эмоциональной маркированности, но в более мягкой форме и без иллюстративного материала и в словаре С.А. Кузнецова: «КОММУНЯГА, КОММУНЯКА, -и; м. и ж. Пренебр. Коммунист» (БТС 2003: 445).

С такой же пейоративной оценкой встречается данный дериват и в примерах русской речи:

(1) *Ах, ты хочешь сказать, что заря на горизонте для человека, которого ты называешь отвратительным словом «коммуняка», – это ковровая дорожка для начальства?* [НКРЯ, Ольга Андреева, Ирина Антонова. Жду зеленых листочков // «Русский репортер», 2014].

(2) – *А, ты коммуняка, – и столько брезгливости было в этом слове!* [НКРЯ, Лев Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001)].

(3) – *Видишь, я что тебе говорил. Это же дрянь, коммуняка. Из-за таких наша медицина и отстает, а таких у вас много!* [НКРЯ, Лев Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001)].

Наличие пейоративных оценочных операторов на языковом уровне (*отвратительное слово, дрянь*) и на эмоциональном уровне (*брезгливость*) усиливают общий негативный смысл, но, по нашему мнению, являются избыточными, исходя из лексикографического фиксированного значения данной лексемы.

В то же время наше исследование на уровне речевой рефлексии подтвердило, что идеологическая переориентация связанных с советской действительностью идеологием проходит не в одночасье, что часто представляется в виде «оценочного размывания» (см. об этом, напр.: Купина 1997: 138). Амбивалентное отношение к идеологическим лексемам проявляется и на уровне разных социальных групп, и в сознании отдельной личности. Это объясняется столкновением прототалитарных и антиталитарных тенденций в сознании человека постсоветской эпохи, в результате в речи современного человека (особенно старшего возраста) наблюдается «размывание» оценочного идеологического компонента. В речи это определяется подбором лексем оправдательной семантики, риторическими вопросами, пафосной риторикой в целом, что определяет положительный модус всего высказывания.

(1) *Безусловно, наш социализм в чем-то отстал, мы должны учитывать новые экономические реалии, но ставить вопрос о переходе на капиталистический путь*

развития – для нас это немыслимо. [НКРЯ, Дмитрий Соколов-Митрич. Куба капут // «Русский репортер», 2012].

(2) Почему сейчас большинство молодых людей напрочь отказываются от службы в армии, если в СССР люди шли служить? **Социализм** поменяли на демократию и капитализм. Соответственно поменялись морально-нравственные ценности. [НКРЯ, Анастасия НОВИКОВА. Начальник армейской культуры России сочинил рэп для того, чтобы повысить престиж армии // Комсомольская правда, 2013.07.15].

(3) Почему они позволяют себе оскорблять мою страну, моё историческое достоинство, приравнивая **коммунизм**, то есть политический строй моей страны, спасшей несколько народов от уничтожения, к нацизму?! [НКРЯ, Артур ГАЛЕЕВ. Мнения участников «Тотального диктанта»: Это была пошлая пиар-акция «писательницы» Дины Рубиной // Комсомольская правда, 2013.04.07].

(4) Зато **социализм** лучше поддерживает социальную справедливость, позволяет эффективнее решать мобилизационные задачи, когда важен не расход ресурсов, а достижение цели в определенный срок. [НКРЯ, Евгений ЧЕРНЫХ. Советский ученый еще четверть века назад предсказал мировой кризис и сырьевое проклятие России // Комсомольская правда, 2013.05.28].

Проблема создания нового общества напрямую связана с идеей преемственности, поэтому в речи демонстрируется стремление реабилитировать лексему, вернуть ее в речевой обиход, избавившись от идеологических советских наращений, что определяется такими языковыми средствами, как неопределенное местоимение *какой-то другой*, определенное местоимение *такой*:

(1) Я защищала **социализм**, но какой-то другой... не советский... И я его защитила! [НКРЯ, Светлана Алексиевич. Время second-hand // «Дружба народов», 2013].

(2) Но **социализм** с Соловками и Беломорканалом кончился. Нужен был какой-то другой **социализм**. [НКРЯ, Светлана Алексиевич. Время second-hand // «Дружба народов», 2013].

(3) Нам нужен жизнеспособный **социализм**, такой **социализм**, который будет способен обеспечить развитие экономики и социальных отношений. [НКРЯ, коллективный. Форум: Социализм vs Капитализм (2011)].

Субъектом распространения идей в советское время был агитационно-пропагандистский аппарат, в постсоветском пространстве субъектом интерпретации идеологически маркированных слов могут быть отдельные лица, что определяется в тексте личным местоимением *я*, *наш* и можно считать фактом определенной нейтрализации идеологемы.

(1) – *Я сам историк, и я тебе могу сказать: важно не какой строй – капитализм, социализм, важна система управления государством.* [НКРЯ, Ольга Андреева. Человек, которого нельзя называть. Краткий курс борьбы за справедливость // «Русский репортер», 2013].

(2) *Безусловно, наш социализм в чем-то отстал, мы должны учитывать новые экономические реалии, но ставить вопрос о переходе на капиталистический путь развития – для нас это немыслимо.* [НКРЯ, Дмитрий Соколов-Митрич. Куба капут // «Русский репортер», 2012].

(3) *Я по профессии / учитель / и стабильное общество / как социализм / мне как-то ближе.* [НКРЯ, Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) // Фонд «Общественное мнение», 2004].

Мену оценки на нейтральную наблюдаем и в «реабилитации» политических лексем, что раньше ассоциировались с буржуазным обществом. Авторы словарей отказываются от использования привычных характеристик советской лексикографии. Чаще всего это эксплицируется отсутствием атрибутивного идеологического маркера «буржуазный», «мелкобуржуазный», «реакционный», «антикоммунистический», «националистический» и т.п. Например: «БУРЖУАЗИЯ , -и; ж. Класс капиталистического общества, владеющий средствами производства и существующий за счет доходов с наемного труда» (БТС 2003: 104). Словарь под ред. Г.Н. Складневской (1998) не фиксирует данной лексемы. Но в трактовании деривата: «Буржуазная демократия (в советское время: ложная, формальная, прикрывающая собой господство буржуазии» (Складневская 1998: 115) наличие ссылки «в советское время» свидетельствует о деидеологизации значения производного, а значит и мотивирующего слова. Обновленный лексикографический портрет находим и в «Новой философской энциклопедии» (2000): «БУРЖУАЗИЯ (франц. bourgeoisie, от позднелат. burgus – укрепленный город) – общественный класс собственников, выросший из средневекового сословия свободных горожан («третье сословие»). Его становление связывают

с присвоением земли и средств производства в эпоху первоначального накопления капитала. С марксистской точки зрения буржуазия – это господствующий класс собственников средств производства в капиталистическом обществе, живущий за счет эксплуатации наемного труда и присвоения прибавочной стоимости. При этом буржуазия превращает значительную часть населения в лишенный собственности пролетариат, и тем самым, по утверждению марксизма, она неизбежно подготавливает собственного «могильщика»» (*Новая философская энциклопедия*: 258).

В то же время изученный нами массив актуального дискурса дает возможность говорить о новом значении этой лексемы, не зафиксированной словарями советского периода: это так называемая «новая буржуазия» российского общества. В приведенных рефлексивных высказываниях для выражения оценки активно используются метафоры и сравнения пейоративной семантики.

(1) *Но и представлять их в том виде, о котором частенько поговаривают в народе («зажравшаяся буржуазия, только и думающая о своих кошельках!»* [НКРЯ, Виктор БАРАНЕЦ. Доброта дороже денег // Комсомольская правда, 2012.12.28].

(2) *Буржуазия - это не наша аристократия, за редкими исключениями, и никогда ею не будет.* [НКРЯ, Сергей ЧЕРНЫХ. Писатель Захар Прилепин: «Наша элита не доросла до дворянства...» // Комсомольская правда, 2013.01.16].

(3) *Почему же сейчас, когда большинство офицеров получают весьма прилично, когда образовалась «армейская буржуазия», по уровню доходов не уступающая банковским работникам «средней руки», количество вороватых шарлатанов и взяточников в командирских рядах не уменьшается?* [НКРЯ, Виктор БАРАНЕЦ. Офицерскую честь в химчистку не сдашь // Комсомольская правда, 2012.03.28].

(4) *Но стала ли буржуазия, «новые русские» новым правящим классом?* [НКРЯ, РБК Daily. Политики о событиях августа 91-го и современной России // РБК Дейли, 2011.08.19].

Обращает на себя внимание и языковое представление в современных лексикографических изданиях анализируемых нами выше лексем *анархизм, национализм, монархизм*. «АНАРХИЗМ, -а; м. 1. Общественно-политическое течение, отрицающее всякую государственную власть и организованную политическую борьбу» (БТС 2003: 38). Отсутствие в дефиниции «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова определенных маркеров «буржуазный»,

«мелкобуржуазный», «реакционный», «антикоммунистический», «националистический», что в советское время использовались для соотношения определенного понятия с враждебной идеологической системой, конечно же, есть сигналом деидеологизации данного слова. Определение абсолютно лишено аксиологической маркированности. В то же время нельзя сказать, что данный процесс полностью завершен. Идеологизированным, совпадающим с трактованием в советских словарях остается второй ЛСВ слова АНАРХИЗМ в «Толковом словаре русского языка конца XX в. Языковые изменения» под ред. Г.Н. Складневской (1998). Здесь параллельно с совпадающим первым ЛСВ в словаре С.А. Кузнецова представлено и другое значение лексемы: «АНАРХИЗМ, а, м. 2. Враждебное марксизму мелкобуржуазное течение, проповедующее анархию, отрицающее всякую государственную власть (в том числе и диктатуру пролетариата), организованную политическую борьбу рабочего класса» (Складневская 1998: 69).

Следует отметить, что на уровне речи постсоветского времени нами не были зафиксированы примеры употребления этой лексемы со значением, отличающимся от значения советского периода.

Идеологизированным остается и значение лексемы НАЦИОНАЛИЗМ. «НАЦИОНАЛИЗМ, -а; м. 1. Идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства своей нации другим, подчиняющая общечеловеческие интересы и ценности национальным интересам. *Фашистская идеология основывалась на национализме. Борьба с национализмом.* 2. Проявление чувства национального превосходства, идей национального антагонизма, национальной замкнутости. *Проявление национализма. Выступление депутата с позиций национализма*» (БТС 2003: 608). Отсутствие советских атрибутов «реакционная», «буржуазная», «мелкобуржуазная» не освободило семантику слова от негативной коннотации. В общем, определение почти не отличается от определения в советских словарях. Но, что есть примечательным на пути к трансформации трактования, в «Толковом словаре русского языка конца XX в. Языковые изменения» под ред. Г.Н. Складневской (1998) данную дефиницию сопровождает довольно широкий иллюстративный материал, смысл которого имеет не идеологизированный, а объективный характер: «*Изначально само понятие «национализм» не имело теперешнего негативного смысла, «принадлежит к английской политической терминологии, где оно обозначало стремление ирландцев к автономии*» (Владимир Соловьев). В русской же литературе это понятие появилось

в начале 80-х годов прошлого века. Но уже к началу XX века оно успело приобрести негативную окраску, а для положительной характеристики этого явления был найден эквивалент – «патриотизм». На Западе же предпочитают употреблять прежнее понятие, а для характеристики отрицательных, скажем, националистических проявлений, подыскивают другие термины – «нацизм», «расизм», «этноцентризм» и др.» (Скляревская 1998: 415).

Семантическая трансформация анализируемой лексемы находит подтверждение в примерах русской речи:

(1) – *Сегодня во многих СМИ, в том числе и в интернете, путаются, зачастую и намеренно, такие понятия, как патриотизм, **национализм** и нацизм.* [НКРЯ, Владимир Зыков. В СМИ, фильмах и интернете детей оградят от искажения патриотизма // Известия, 2014.05.08]. В данном высказывании содержится определенная языковая подсказка по восприятию слова национализм: определив понятийное ядро каждой лексемы, дифференцировать их и не допускать смешивания их семантики.

(2) ***Национализм** же – вещь хорошая – любовь к своей нации (кстати это не означает ненависти к другим) – что здесь плохого?* [НКРЯ, коллективный. Форум: Православие и «Русский марш» (2012)].

(3) ***Национализм** по Рогозину неразрывно связан с социальной справедливостью: «соединение национальной идеи с идеей социальной абсолютно естественно».* [НКРЯ, Виктор Аверков. Ястреб на скале // «Однако», 2010]. В данных речевых высказываниях положительная оценка слова нейтрализует идеологическую пейоративную коннотацию.

Конечно, что не раз подтверждалось историей, национализм может проявляться крайне негативно и таким образом нести в себе угрозу обществу, поэтому и в постсоветском языковом пространстве русского языка находим примеры с явно неодобрительной маркированностью.

(1) ***Национализм** общества подобен эгоизму в человеке, это качество не считается нравственным.* [НКРЯ, коллективный. Форум: Православие и «Русский марш» (2012)].

(2) ***Национализм** как и расизм не имеет национальности.* [НКРЯ, Второе крещение Руси: на капище в Купчино снесут Перуна (форум) (2007)].

Следующие примеры доказывают, что однозначно нельзя анализируемую лексему трактовать только негативно, как практиковалось это в словарях советского времени. Как результат, в речи наблюдается попытка нейтрализации негативной оценки лексемы, что приводит к появлению такого рода высказываний:

(1) *Остановишься, учил, звездой ниже – твое окружение подумает: жлоб, себя не любит – никого не любит. **Национализм** – сложная штука. Его математически не просчитаешь.* [НКРЯ, Игорь Найденов, Макс Ибрагимов. Макс Ибрагимов: «Совсем другой мебель» // «Русский репортер», № 34 (212), 1 сентября 2011].

(2) ***Национализм** – это только пугало. Дочка была на весенних каникулах во Львове.* [НКРЯ, коллективный. Форум: Как Львов стал украинским городом (2011)].

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова находим: «**МОНАРХИЗМ**, -а; м. Политическое направление, признающее монархию единственной формой государственной власти. *Сторонники монархизма. Осуждать государственный м. Насаждают м.*» (БТС 2003: 554). Хотя само определение лишено оценочной коннотации и представляет собой объективную дефиницию лексемы, но иллюстративный материал еще несет негативную оценку как отзыв советского времени, что эксплицируется глаголами *осуждать, насаждать*. В «Толковом словаре русского языка конца XX в. Языковые изменения» под ред. Г.Н. Складневской (1998) данная лексема вообще не фиксируется.

Примеры «живого» дискурса свидетельствуют амбивалентность в оценке данной лексемы:

(1) [demogog, nick] *Потому чистый **монархизм** не продолжается веками, а уходит вместе с Путиным.* [НКРЯ, Национал-анархизм (форум) (2006)].

(2) *Она разделяет убеждения и предрассудки своей среды – шовинистический **монархизм**, великорусский парадный патриотизм, веру в незыблемость сословных и национальных привилегий, в безусловность своего кастового превосходства.* [НКРЯ, Людмила Евдокимова. Февральская революция глазами любительницы «мягких тканей и духов» (2015)].

(3) *Началось с того/ что **монархизм** – это основа.* [НКРЯ, Михаил Булгаков. Программа "Гордон" (НТВ) (2003)].

(4) *Почему хорош монархизм / почему я убежденный монархист.* [НКРЯ, Беседа Д. Диброва с И. Охлобыстиным в эфире телепередачи «Антропология», НТВ // Архив Хельсинкского университета, 1999].

4 Выводы

Как базовые, фундаментальные единицы советского идеологического дискурса, проанализированные нами идеологемы обладали исключительно положительной или отрицательной семантикой. Данные лексем были инструментом целенаправленного внедрения в общественное сознание универсальной нормативно-ценностной системы, подчиняющей себе многочисленные тематические сферы жизнедеятельности советского человека. Произошедшие в конце XX века изменения советского общества привели к тому, что советские идеологемы не могли более использоваться в функции мировоззренческих аксиологических ориентиров. Процесс изменения русского языка, отражаясь, прежде всего, на деидеологизации лексического состава в целом, коснулся и исследуемых нами идеологем. Под влиянием внеязыковых изменений к. XX нач. XXI вв. анализируемые лексем испытывают значительные семантические трансформации, наблюдаемые как тенденция к деидеологизации их семантики, а также аксиологической неустойчивости. В процессе исследования к особенностям рассматриваемых слов в плане семантических изменений относятся: утрата сем положительной vs. отрицательной эмоциональной оценки; замена сем отрицательной оценки на нейтральную, положительной на отрицательную vs. нейтральную; развитие амбивалентной эмотивности словесных знаков. Данные семантические процессы обусловлены снятием идеологических наслоений в плане содержания анализируемых идеологем и их переориентацией на обозначение реалий российской действительности.

Изучение образцов «живого» дискурса (национальный корпус русского языка), которые содержат анализируемые идеологемы, полностью подтверждает выводы, сделанные на основе анализа объективации этих лексем на уровне языка (на основе анализа словарных дефиниций).

Литература

- 1 БТС – КУЗНЕЦОВ, Сергей (2003): Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт.

- 2 ЗАВАРЗИНА, Галина (2007): Общественно-политическая лексика русского языка новейшего периода и проблемы ее преподавания в иностранной аудитории. – In: Вестник РУДН. – Серия «Русский и иностранный языки и методика их преподавания». 2007. №4.
- 3 КУПИНА, Наталья (1997): Идеологическое состояние лексики русского языка. – In: Под ред. И.Т. Вепревой: Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург.
- 4 МАС – ЕВГЕНЬЕВА, Анастасия (1999): Словарь русского языка. В 4-х т. Москва: Русский язык.
- 5 ОЖЕГОВ, Сергей (1988) Словарь русского языка / под ред. чл.- корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. Москва: Русский язык.
- 6 СКЛЯРЕВСКАЯ, Галина (1998): Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. СПб.: Фолио-пресс.
- 7 СТЕПИН, Вячеслав, ГУСЕЙНОВ, Абдусалам, СЕМИГИН, Геннадий, ОГУРЦОВ, Александр (2000): *Новая философская энциклопедия*. Москва: Мысль.

Сведения об авторе:

Летючая Любовь Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранной филологии, перевода и методики обучения ГВУЗ «Переяслав-Хмельницкий государственный педагогический университет имени Григория Сковороды», Украина.